

УДК 94(410):329

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-167-176

СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ: НА ПУТИ К АДАПТАЦИИ?

С. А. Шеин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17
sshein@hse.ru

Анализируется политическое и идейное развитие современного британского консерватизма в условиях политико-институциональной трансформации Соединенного Королевства. В качестве ключевого понятия для понимания развития современного консерватизма избирается понятие адаптации как способности приспосабливаться к меняющейся реальности без потери содержательных черт. Важную роль в этом процессе играет взаимоотношение двух основных консервативных традиций (в британской вариации – консерватизма «одной нации» и тэтчеризма) и их представителей, что выступает одновременно идейным ресурсом и ограничением для консервативной адаптации. Посттэтчеристский кризис британского консерватизма характеризовался затруднением процессов внутрипартийного обновления ввиду идеологической инерции, вызванной успехами тэтчеризма и, как следствие, его идейным доминированием в консервативном лагере. После трех поражений подряд на всеобщих выборах Дэвид Кэмерон предложил стратегию адаптации на основе тактического маневрирования и обращения к двум консервативным традициям для создания широкой избирательной коалиции и недопущения отчуждения представителей правого крыла своей партии. Однако Брекзит выступил в качестве ограничения адаптационного процесса. Делается вывод о том, что адаптация как суть политики либерального консерватизма продолжилась при правительстве Терезы Мэй. Консервативная адаптация, активно «реагирующая» на внутренние и внешние импульсы, активно нуждалась в новых подходах и идеях, связанных с многоаспектным процессом Брекзита и политико-институциональной трансформацией. Новое правительство Бориса Джонсона, сближаясь с правопопулистской Партией Брекзита, дает повод говорить о возможном переходе от адаптации к эволюции консерватизма в условиях постбрекзитовского политического развития Великобритании.

Ключевые слова: Консервативная партия Великобритании, адаптация консерватизма, тэтчеризм, консерватизм «одной нации», Дэвид Кэмерон, Тереза Мэй, Борис Джонсон.

Масштабные социально-экономические и идейно-культурные сдвиги в странах Западной Европы и Северной Америки испытывают на прочность консервативные и христианско-демократические партии, чьей основной функцией является сохранение существующего порядка. Общий взгляд на современный политический процесс в западных странах позволяет увидеть, что, к примеру, традиционные французские и итальянские консервативные политические силы уже подверглись значительному переформатированию, а в США «феномен Трампа» выступил в качестве мощного фактора поляризации американского консервативного лагеря. В этом контексте важно обратить внимание на британский консерватизм, который долгое время считался если не эталоном для национальных вариантов консервативного движения, то по крайней мере образцом для сравнения.

Современный британский консерватизм определяет вектор развития Соединенного Королевства в период масштабных политико-институциональных преобразований¹. Определение места Британии в Европе и мире, необходимость реализации новой модели отношений центр – регионы ввиду роста этнорегионализма, увеличение числа антисистемных партий на обоих флангах британской политики – вызовы, на которые вынуждены реагировать британские тори.

Процесс политико-институциональной трансформации Соединенного Королевства имеет проекцию и на внутреннее состояние консервативного лагеря, стимулируя его идеологическое размежевание и поляризацию. Показательным с точки зрения возможной институционализации раскола консервативного движения под влиянием внешних импульсов стало предположе-

ние авторов аналитического журнала «Экономист» о том, что «многие умеренные консервативные и лейбористские депутаты могли бы присоединиться к новой либеральной центристской партии – так же как часть левых и правых во Франции» (The middle..., 2017). В значительной степени это прогноз оправдался в феврале 2019 г., когда трое членов консервативной фракции в Палате общин, несогласные с курсом на Брекзит, присоединились к «Независимой группе» депутатов, отколовшейся от лейбористской партии (Kettle, 2019). В этой связи представляется важным дать характеристику политическому и идейному развитию современного британского консерватизма в условиях масштабной политико-институциональной трансформации Соединенного Королевства.

Две консервативные традиции как ресурс для адаптации консерватизма

Трансформация британского консерватизма в его политическом и идейном измерениях на современном этапе рассматривалась исследователями как в общеевропейском масштабе [Гаджиев, 2013; Смирнов, 2014; Консерватизм..., 2016], так и в рамках конкретного национального кейса [Рахмиров, 2011; Ананьева, 2013; Шейн, 2017; Vale, 2010; Heppel, 2014]. Если в работах первой группы авторы пытались выявить общие тренды политического развития консерватизма, ответить на вопрос о ценностных изменениях в европейском консерватизме и, как следствие, об изменениях в его идеологической идентичности, то работы по конкретному британскому случаю отличает обратная исследовательская логика: от глубокого и детального анализа посттэтчеристского кризиса партии тори после выборов 1997 г. к выводам об идейно-политической трансформации явления в целом.

С нашей точки зрения, ключевой категорией при рассмотрении трансформационных процессов в британском консерватизме в период с 1997 по 2019 г. следует считать понятие адаптации. Адаптация представляет собой способ сохранения политической субъектности консерватизма в ходе стремительно меняющейся социальной действительности.

Понимая под адаптацией консерватизма «приспособление консервативных идейно-политических сил, по сути своей сориентированных на защиту неких общественных устоев, к новой реальности, в которой эти устои оказываются нарушенными» [Подвицнев, 2001, с. 94], следует отметить, что адаптация не предполагает изменение концептуальных основ консерватизма, кардинальных идейно-политических и организационных сдвигов. Во многом в ходе адаптации достигается примирение консервативных ценностей и принципов с меняющейся действительностью, обновление форм реализации консервативной политики без потери ее содержательных черт. Как утверждает Э. Тейлор, адаптация требует «реинтерпретации» политического курса и стиля партии в соответствии с изменившимся окружением и может считаться успешной лишь в случае получения власти (цит. по [Heppel, 2014, p.4]).

В условиях, когда британский консервативный лагерь не является идейно монолитным и структурно гомогенным, при анализе процесса адаптации необходимо особое внимание уделить роли внутривнутрипартийных течений. Так, Б. Эванс и Э. Тейлор указывали на то, что адаптивность тори «по большей части зависит от постоянного трения двух ее традиций» [Evans, Taylor, 1996, p.277], которые выступают в качестве идейно-политического ресурса в процессе развития партии. Либеральный и традиционалистский типы консерватизма, проанализированные А. Галкиным и П. Рахмировом², в британской вариации представлены традициями консерватизма «одной нации» и тэтчеризма соответственно.

Консерватизм «одной нации», берущий свое начало от политики премьер-министра Бенджамина Дизраэли, был ориентирован на широкие социальные реформы для значительного улучшения условий жизни малообеспеченных слоев населения. Консерватизм «одной нации» выступал своего рода мостом между «двумя нациями» (богатыми и бедными), о которых писал Б. Дизраэли. Интегрирующий характер и социальный реформизм позволяли представить британский консерватизм как «движитель реформ, прогресса и умеренности», а его отличительными чертами назвать «патернализм и даже коллективизм» [Студенцов, 1985, с. 103].

В XX в. традиция «одной нации» позволила создать возможности для социального маневрирования консерватизма в ходе структурной перестройки экономики. Послевоенный консенсус, основанный на попытке обеспечить всеобщую занятость и построить «государство всеобщего благосостояния», обусловил тот факт, что именно либеральные консерваторы с лозунгами «одной нации» стали доминирующим в партии течением. Послевоенная социальная ре-

альность Британии требовала от консерватизма проявить адаптационную способность. Показательно, что Уинстон Черчилль, симпатизирующий неоллиберальным идеям Фридриха фон Хайека [*Рахимир*, 2012, с. 56], был вынужден согласиться в 1947 г. на принятие Индустриальной хартии, по сути, признававшей смешанную экономику, социальные реформы и национализацию, проведенные лейбористским правительством Клемента Эттли.

Содержательное наполнение политики консерваторов «одной нации» эволюционировало со временем, но ориентация на превентивные реформы и компромисс как метод достижения политических целей оставались тем маркером, который отличал его представителей. Как указывает К. Гаджиев, «наиболее дальновидные политики из консервативного лагеря шли на далеко идущие перемены именно в сфере политики, сохраняя приверженность основным принципам консерватизма в других сферах» [*Гаджиев*, 1991, с. 56]. В политике консерваторов «одной нации» присутствовало постоянное маневрирование между интересами различных социальных групп, что позволяло консерватизму сохранить политическую субъектность во время «батскеллистского консенсуса».

Тэтчеризм, в свою очередь, являлся британской вариацией «консервативной волны», захватившей страны Западной Европы и США в конце 1970-х – начале 1980-х гг., и привел к распаду «батскеллистского консенсуса». Приход к власти в партии в 1975 г. Маргарет Тэтчер на фоне стагфляции в экономике и давления профсоюзов на политический курс британских правительств означал крутой поворот в развитии не только самой консервативной партии, но и всего Соединенного Королевства.

Политическая программа и политический курс М. Тэтчер представляли собой сплав индивидуалистских и традиционалистских элементов. Свобода рыночных сил в экономике, культивирование «викторианских» ценностей в морально-нравственных вопросах, верховенство суверенитета парламента в сфере внутренней политики и суверенитета национального во внешней стали приоритетами тэтчеризма, который был направлен на существенный демонтаж «государства всеобщего благосостояния» и создание «нации собственников».

В ходе внутрипартийной борьбы Маргарет Тэтчер открыто противопоставляла себя консерваторам «одной нации» во многом из-за их стремления к социальному компромиссу. Известно ее выражение «консерватизм "одной нации" – это консерватизм ни одной нации» (см. [*Evans*, 2009, р. 103]). Как результат, годы ее лидерства характеризовала идеологическая поляризация, выраженная в делении тори на «твердых» и «мягких» в зависимости от поддержки неоллиберального экономического курса. В то же время премьер-министр использовала в своей риторике концепт «одной нации», но в его патриотической, а не патерналистской интерпретации, чтобы легитимировать свой курс в глазах всей партии и ее сторонников [*Evans*, 2009, р. 103].

Если консерватизм «одной нации» стал идеологической основой для левого (либерального или реформистского) крыла партии, то тэтчеризм – для правого. Тэтчеризм смог идейно объединить традиционалистов (в морально-нравственной сфере) и индивидуалистов (в экономике). Как писал консервативный философ-традиционалист Роджер Скрутон, «я никогда не принимал на веру всю полноту свободно рыночной риторики тэтчеритов. Но я глубоко симпатизировал мотивам Тэтчер» (*Scruton*, 2014, р. 7).

Стоит заметить, что для тэтчеризма характерна менее высокая степень адаптивности ввиду его идеологического заряда и антиконсенсусной природы. В частности, справедливо мнение О. Подвинцева о том, что тэтчеризм, предполагавший качественные изменения, является примером именно эволюции консерватизма, а не его адаптации, которая, как правило, не затрагивает существенные черты явления. Исследователь считает, что консерваторы при М. Тэтчер осуществили «выдвижение новых целей и задач в попытке принятия на себя ответственности за выбор дальнейшего пути общественного развития» [*Подвинцев*, 2001, с. 89]. Ввиду разрушения «батскеллистского консенсуса» в результате масштабных изменений социально-экономического курса страны в академической литературе применительно к тэтчеризму также устоялся термин «консервативная революция» [*Adonis, Hames*, 1994].

Влияние тэтчеризма на позиции консерватизма в британской политике можно охарактеризовать как двойственное. Тэтчеризм, с одной стороны, добившись идейного доминирования, позволил маятнику двухпартийной системы зависнуть на стороне консерваторов на целых

18 лет (с 1979 по 1997 г.), с другой – стал причиной идеологизации прагматичного по своей природе британского консерватизма, что привело к поражению тори от «новых лейбористов» Тони Блэра на выборах 1997 г. Начавшийся с 1997 г. посттэтчеристский кризис (хотя его проявления были заметны еще при Д. Мейджоре) сделал очевидным то, что процесс внутрипартийного обновления, не раз возвращавший тори к власти в течение XX в., под влиянием идеологического заряда тэтчеризма перестал функционировать.

Попытки консервативной адаптации в посттэтчеристский период

После ухода в оппозицию в 1997 г. партийные лидеры (Уильям Хейг, Йен Данкан-Смит, Майкл Говард) пытались направить движение партии в центр политического спектра, преодолев «дрейф вправо», который партия продолжала по инерции со времен М. Тэтчер и Д. Мейджора. Исходя из того, что «новым лейбористам» Тони Блэра удалось сформировать широкую коалицию избирателей среднего класса, «уставших» от рыночной риторики Тэтчер и ее последователей, движение консерваторов в центр предполагалось осуществить с помощью политической концепции, которая была бы привлекательна для электората «новых лейбористов» и не вызывала бы отчуждения консерваторов-тэтчеритов, верных убеждениям «железной леди», на правом фланге партии.

Апеллируя к консервативной традиции «одной нации», Уильям Хейг, лидер партии в 1997–2001 гг., использовал концепцию «сострадательного консерватизма», позаимствовав ее у республиканцев Д. Буша. Как заявлял Хейг, «партия должна быть открытой, инклюзивной и сострадательной в противовес ее элитистскому имиджу» (Hague..., 1999). Однако движение в центр партийного спектра с помощью призывов к социальному реформированию и признания «многообразия Британии», то есть попытки сыграть с «новым лейборизмом» на его поле, столкнулось с сопротивлением правого крыла партии, в особенности на уровне местных отделений партии и консервативных СМИ.

Главной помехой на пути развития «сострадательного консерватизма» в реальную основу для разработки политического курса была позиция правого крыла, согласно которой движение консерваторов в центр не приведет к победе на следующих выборах. «Сострадательность» консерватизма использовалась партийным руководством как своего рода фасад, за которым скрывалась по-прежнему тэтчеристская по своим убеждениям партия. Консервативная газета «Дейли Телеграф», обращая внимание на необходимость вернуть «плавающих» избирателей среднего класса, считала, что У. Хейг сделает это, заняв жесткую позицию по вопросу о преступности, иммиграции и отношениях с ЕС, что находится в «гармонии с инстинктами большинства избирателей» (The Tories..., 2001). Положительно оценивали такой подход и консервативные активисты, поскольку только 8% их полагали, что партии нужно смещаться в центр [Bale, 2010, p. 127].

Реагируя на давление правого крыла, консервативные лидеры отказывались от движения в центр и выбирали обратное направление – дистанцирование от «нового лейборизма» и его повестки. «"Новый лейборизм" – это искусственная конструкция. Я не хочу, чтобы оппозиция стала такой же», – заявлял У. Хейг в последний год своего лидерства (Conservative Party..., 2001).

Подобное переплетение модернизаторских и традиционалистских элементов в политической программе консерваторов создавало «смешанный посыл» для избирателей, не позволяя продемонстрировать, что партия пережила обновление. Консервативные лидеры, являвшиеся выходцами из правого крыла партии, пытались «обновить» консерватизм путем кратковременного обращения к традиции «одной нации», которая была им идеологически чужда. Тем самым политическое развитие консерватизма в 1997–2005 гг. характеризовалось доминированием тэтчеризма в идейно-политическом измерении, что ограничивало адаптационную способность партии и не позволяло ей эффективно реагировать на меняющиеся запросы избирателей.

«Кэмеронизм» как стратегия адаптации консерватизма

После трех подряд поражений на выборах (в 1997, 2001 и 2005 гг.) консервативный лагерь, в том числе его правое крыло, характеризовала большая готовность к переменам. В то же время инициированный при новом лидере Дэвиде Кэмероне процесс обновления имел принципиальные отличия от попыток его предшественников. Д. Кэмерон не был типичным представи-

телем течения «одной нации» или тэтчеритов. Так, историк и политолог С. Перегудов отмечал, что Д. Кэмерон – это представитель центристов, занявших в партии «середину», между представителями либерально-консервативной и авторитарно-консервативной тенденции [Перегудов, 2015, с. 70]. Центризм «кэмеронитов» означал меньшую идеологическую привязку к определенной консервативной традиции, что обеспечивало больший потенциал для реализации адаптационной стратегии.

Модернизация британского консерватизма, которую проводил Д. Кэмерон, была, по сути, формой ее адаптации. Содержательную близость этих двух понятий отражает, к примеру, определение Б. Весселем модернизации как «перепрограммирования организационных целей для адаптации к политической среде» (цит. по [Pautz, 2013, p. 363]). Схожий подход к определению модернизации использует политолог К. Домнет, характеризуя ее как «процесс, посредством которого субъекты (в данном случае в партии) приходят к восприятию своих существующих идей и поведения как несоответствующих современным условиям» [Dommet, 2015]. Исследователь также выделяет уровни, на которых проходит модернизация: микроуровень – политический курс, конкретные политики и брендинг, мезоуровень – принципы, приоритеты, организационные процедуры или партийная структура, макроуровень – фундаментальные изменения в идеологии в соответствии с современностью [Dommet, 2015].

Политологи С. Батлер и Д. Доловитц ограничивают модернизацию консерваторов Д. Кэмерона идеологическим измерением и подразумевают под ней попытку идеологического репозиционирования партии, основной смысл которого – отказаться от тэтчеристского наследия [Buckler, Dolovits, 2012, p. 585–586].

«Кэмерониты» предложили избирателям «сострадательный», или «прогрессивный», консерватизм, основными ценностями которого были «доверие к людям и разделение ответственности» (David Cameron..., 2006).

«Сострадательность» консерватизма оформилась в концепцию «большого общества», согласно которой социально-экономические проблемы следовало решать, «распределив власть от государства – обществу, от центра – местным сообществам, давая людям возможность взять больше ответственности за свои собственные жизни (Bulding..., 2010).

Концепция «большого общества» была своего рода консервативным вариантом концепции «третьего пути» – концепции обновления европейской социал-демократии на рубеже XX и XXI вв. путем реформирования государства всеобщего благосостояние в «государство всеобщих инвестиций» [Работяжев, 2011, с. 58]. Альтернативой рынку и государству, как источникам ряда проблем, должен был стать некоммерческий сектор.

Концепция «большого общества» могла служить ширмой для осуществления стратегии «калибровки» (термин политолога Т. Бейла), то есть движения партии к центру политического спектра без потери связи с правым и левым крылом партии (см. [Рахмиров, 2011, с. 58]). Данный термин позволяет приподнять завесу над тем, почему «кэмеронитам» удалось сделать то, чего не удавалось их предшественникам у руля партии. Однако движение тори в центр политического спектра не было последовательным и планомерным, оно во многом определялось внешними и внутренними факторами, а также происходило в тесной связи с двумя консервативными традициями.

В адаптационной стратегии «кэмеронитов» элементы политического курса, характерного для консерватизма «одной нации» (например, обязательство сохранить национальную систему здравоохранения), использовались для создания широкой избирательной коалиции и привлечения электората среднего класса, голосовавшего за «новых лейбористов», а традиционные тэтчеристские темы (снижение налоговой нагрузки, ограничение иммиграции, сокращение темпов и масштабов евроинтеграции) – чтобы не допустить отчуждения правых тори. Поэтому кажется логичным, что зачастую «кэмерониты» слишком близко подходили к границе, отделяющей консерваторов от либералов, как, например, в решении вопросов о легализации однополых браков и продолжении автономизации британских регионов. В то же время существовали и примеры заимствования элементов программы соперников с правого фланга, самым ярким из которых стало обещание провести референдум о членстве страны в ЕС на новых условиях в случае победы партии на всеобщих выборах в 2015 г.

Адаптация «кэмеронитов» на основе сочетания двух консервативных традиций в зависимости от внешней и внутренней конъюнктуры, постоянное лавирование между интересами британского среднего класса и правого крыла своей партии, оказались бессильны перед внешними вызовами, что продемонстрировала ситуация с Брекситом. Попытка политического маневрирования с использованием инструментов прямой демократии не увенчалась успехом и привела к дальнейшей идеологической поляризации партии и уходу Д. Кэмерона с поста лидера.

На основе анализа адаптационной стратегии представляется возможным концептуализировать феномен «кэмеронизма» как электорального обновления консерватизма, не предполагающего реального изменения идеологических принципов и организационной структуры партии. Понимание «кэмеронизма» шире, чем «союз экономического и социального либерализма с "мягким" евроскептицизмом» [Heppel, 2014, p. 341], поскольку это определение носит программно-политический характер. «Кэмеронизм» следует понимать как стратегию маневрирования и балансирования между идеологическими течениями в консервативном лагере. Именно поэтому «кэмеронизм» приобрел прагматичный, синтезирующий и реактивный характер.

Важно то, что «кэмеронизм» не претендовал на роль новой идеологической основы консервативной партии. Возвращаясь к пониманию целей консервативной модернизации, сформулированных Д. Батлером и Д. Доловицем, отметим, что «кэмеронизм» не разрешил проблемы доминирования тэтчеристского идейного наследия в партийных структурах. Готовность к обновлению в большей степени обнаруживала парламентская фракция, но не «партия в стране». Показательным выглядит тот факт, что три основных идеологических водораздела между консерваторами [Hayton, 2018, p. 224], судя по политической практике, существуют и сегодня: «твердый» евроскептицизм против «мягкого», социальный либерализм против традиционализма в морально-нравственных вопросах, юнионизм против «английского национализма» в представлении о будущем отношений центра и регионов в Соединенном Королевстве.

Тереза Мэй и Борис Джонсон: консервативная адаптация в условиях Брекзита

Адаптация к меняющейся реальности, лежащая в основе либерального консерватизма, также характеризовала политическую стратегию консервативной партии под руководством Терезы Мэй в 2016–2019 гг. Как выходца из «команды Кэмерона», Т. Мэй отличало отсутствие прочной идеологической связи с одной из консервативных традиций, кроме того, положение Т. Мэй как премьер-министра и лидера партии характеризовалось ограниченным пространством для маневра и адаптационным потенциалом во внутренней и внешней политике.

Лидер партии попыталась продолжить «калибровку», комбинируя консервативные традиции. Консерватизм «одной нации» с его интегрирующим потенциалом использовался для преодоления раскола в британском обществе, который продемонстрировали результаты референдума о выходе страны из ЕС (51,89% британцев – за выход и 48,11% – за то, чтобы остаться). На партийной конференции 2016 г. Т. Мэй анонсировала разворот в сторону консерватизма «одной нации», заявив, что «программа, верная гордым философским традициям "одной нации" моей партии, будет включать большие изменения в то, что мы думаем о нашей экономике, нашем обществе и нашей демократии» (Quinn, 2016). Как отмечал в 2017 г. журнал «Экономист», «госпожа Мэй будет все чаще представлять себя после выборов как лидера нового бренда торизма "одной нации": бренда консерватизма, который пытается объединить британский народ в единое политическое сообщество, в то же время борясь с "брюссельскими бюрократами", которые тянут Британию вниз» (A brief..., 2017).

При нестабильной внутрипартийной ситуации в преддверии и после референдума проведение параллелей с евроскептицизмом Маргарет Тэтчер нужно было Терезе Мэй для удержания сторонников Брекзита среди правых тори и базового электората. Отсюда курс на реализацию «жесткого» выхода страны из ЕС (который, однако, сменился планом «мягкого Брекзита») и выстраивание символических связей с фигурой «железной леди»: «Британии нужен настоящий консерватизм. Тэтчер – консерватор, я тоже консерватор» (Stewart, Mason, 2017).

Адаптационные возможности консерватизма в многоаспектном процессе выхода страны из ЕС ограничивали субъективные (меньшая степень тактического маневрирования и гибкости при реализации курса Терезы Мэй) и институциональные (соглашение с демократической юни-

онистской партией после досрочных выборов 2017 г.) факторы, что в итоге вылилось в отставку лидера.

Процесс Брекзита, ставший ключевым фактором внутривнутриполитического развития страны, имеет решающее значение и для адаптации консерватизма на современном этапе. Выход страны из ЕС, с одной стороны, ограничивает возможности объединения партийных течений в условиях общеполитической поляризации и волатильности, с другой стороны, определяет вектор возможного развития консерватизма. Это четко проявилось вместе с победой на выборах в 2019 г. лидера консерваторов бывшего министра иностранных дел и мэра Лондона Бориса Джонсона.

Несмотря на характеристику своего правительства как «умеренного, разумного правительства "одной нации", которое сокращает налоги» (Kibasi, 2019), премьер-министр использует консерватизм «одной нации» в риторике инструментально, а идеологическая поляризация прагматичного по своей природе британского консерватизма получает продолжение. Консерватизм Б. Джонсона дрейфует вправо, в направлении правопопулистской Партии Брекзита, что контрастирует со стратегиями его предшественников. Об указанном дрейфе говорит схожесть политического языка Б. Джонсона и Н. Фараджа. Новый премьер-министр интерпретирует ситуацию с пророгацией (временной приостановкой работы) Вестминстера как противостояние «народа» и парламента, что в его риторике придает концепции «одной нации» популистскую окантовку.

В этой связи уместно задать вопрос о том, что означает лидерство Б. Джонсона: переход от адаптации к эволюции консерватизма, предполагающей конвергенцию консерватизма и правого популизма на концептуальном уровне, или же ситуативное обращение к популистской логике и риторике с конкретными политическими и электоральными целями, что можно интерпретировать как новый вариант адаптации. Думается, аргументированно и содержательно ответить на этот вопрос можно лишь после того, как Соединенное Королевство в целом и консервативная партия в частности войдут в период «постбрекзитовского» развития.

Таким образом, адаптация британского консерватизма в условиях политико-институциональной трансформации стала его стратегией, выбранной с целью возвращения властных позиций. Обращение к консервативным традициям выступало как ресурс для проведения адаптации. Адаптироваться, правда, с разной степенью успешности, пытались все пост-тэтчеристские консервативные лидеры, однако способности маневрировать и балансировать между идеологическими течениями у них были разные.

В данный момент консервативная адаптация, активно «реагирующая» на внутренние и внешние импульсы, продолжает нуждаться в новых подходах и идеях, связанных с многоаспектным процессом Брекзита и политико-институциональной трансформацией. Все это требует от консерватизма более внятного формулирования «большой идеи» как концептуальной основы данного процесса. Отсутствие «большой идеи» предполагает сохранение основного идеологического водораздела между тэтчеритами и консерваторами «одной нации». Речь идет о возможном идеологическом репозиционировании современных консерваторов, чего «кэмеронизм» избежал.

Примечания

¹ При этом возможности консерваторов ограничены соглашением о сотрудничестве с североирландской Демократической юнионистской партией, которое было оформлено в ситуации с «подвешенным парламентом» после досрочных выборов 2017 г.

² Типология А. Галкина и П. Рахшмира включает также экстремистскую разновидность консерватизма, которая в связи с особенностями британской политической культуры и отсутствием организационного оформления не играет существенной роли в консервативном лагере.

Список источников

A brief history of one-nation conservatism // The Economist. 2017. 9 May. URL: <https://www.economist.com/bagehots-notebook/2017/05/09/a-brief-history-of-one-nation-conservatism> (дата обращения: 12.04.2019).

Building the Big society. Conservative Party, 2010. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/building-the-big-society> (дата обращения: 12.04.2019).

- Conservative party electoral prospects // BBC-News. 2001. 3 June. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/breakfast_with_frost/1367302.stm (дата обращения: 12.04.2019).
- David Cameron's speech: Modern Conservatism // The Guardian. 2006. 30 January.
- Hague U.: Compassion key to Tory revival // BBC News. 1999. 12 February. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/278022.stm (дата обращения: 12.04.2019).
- Kettle M. The splitting of the Tories and Labour could redefine British politics // The Guardian. 2019. 20 February. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/feb/20/split-tories-labour-british-politics-brexite-independent-mps> (дата обращения: 12.04.2019).
- Kibasi T. Boris Johnson's intention is clear: he wants a 'people v parliament' election // The Guardian. 2019. 28 August. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/28/boris-johnson-election-prorogue-parliament-populist-majority> (дата обращения: 12.11.2019).
- Scruton R. How to be a conservative. London: Bloomsbury Continuum, 2014. 195 p.
- Stewart H., Mason R. May signals break with Thatcherism in manifesto for «country and community» // The Guardian. 2017. 18 May. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/may/18/theresa-may-launches-conservative-manifesto-for-community-and-country> (дата обращения: 12.04.2019).
- The middle has fallen out of British politics // The Economist. 2017. 3 June. URL: <https://www.economist.com/news/leaders/21722855-leaders-both-main-parties-have-turned-away-decades-old-vision-open-liberal> (дата обращения: 12.04.2019).
- The Tories' troubles // The Telegraph. 2001. 20 May. URL: <http://www.telegraph.co.uk/comment/4262275/The-Tories-troubles.html> (дата обращения: 12.04.2019).
- Quinn B. Theresa May sets out 'one-nation Conservative' pitch for leadership 2016. 30 June. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/30/theresa-may-sets-out-one-nation-conservative-pitch-for-leadership> (дата обращения: 12.04.2019).

Библиографический список

- Ананьева Е.В. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму» // Докл. Института Европы № 293. М.: Русский сувенир, 2013. 142 с.
- Гаджиев К.С. Консерватизм в современном мире: кризис или возрождение? // Власть. 2013. № 1. С. 63–67.
- Гаджиев К. С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. №1. С. 55–75.
- Консерватизм и развитие: основы общественного согласия / под ред. Б. Макаренко. М.: Альбина Паблишер, 2015. 330 с.
- Перегудов С.П. Либерализм XXI века – кризис или обновление? // Полис. Политические исследования. 2015. №4. С. 64–74.
- Подвинцев О.Б. Постимперская адаптация консерватизма: Дисс. ...докт. полит. наук. Пермь, 2002.
- Работяжев Н.В. Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // Политика. 2012. № 3 (66). С. 146–167.
- Рахимир П.Ю. Британские тори: возрождение или угасание? // Новая и новейшая история. 2011. №1. С. 132–138.
- Рахимир П.Ю. Свой среди чужих, чужой среди своих: Ф.А. Хайек и консерватизм // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 3. С. 54–67.
- Смирнов А.Н. Аксиология европейского консерватизма: между традицией и прогрессом // Политика. 2014. № 4 (75). С. 129–144.
- Студенцов В.Б. Два течения в социальной философии британского неоконсерватизма // Вопросы философии. 1985. N 2. С. 103–114.
- Шейн С.А. Политическая стратегия современных британских консерваторов в процессе политико-институциональной трансформации Соединенного Королевства: Дисс... канд. полит. наук. М.: Б. и., 2017.
- Adonis A., Hames T. A Conservative Revolution? The Thatcher-Reagan Decade in Perspective. Manchester: Manchester University Press. 1994. 263 p.

- Bale T. Conservative party from Thatcher to Cameron. London: Polity Press, 2010. 472 p.
- Buckler S., Dolowitz D. Ideology Matters: Party Competition, Ideological Positioning and the Case of the Conservative Party under David Cameron // *The British Journal of Politics & International Relations*. 2012. Vol.14, №. 4. P. 576-594.
- Dommnet K. Conservative Party Modernisation: A 'slick re-branding exercise'? // *Theory vs Practice*, PSA Blog. 2015. [Electronic resource]. URL: <https://www.psa.ac.uk/insight-plus/blog/conservative-party-modernisation-1-%E2%80%98slick-re-branding-exercise%E2%80%99-theory-vs-practice> (дата обращения: 10.04.2019).
- Evans S. The Not So Odd Couple: Margaret Thatcher and One Nation Conservatism // *Contemporary British History*. 2009. Vol. 23, №. 1. P. 101-121.
- Evans B., Taylor A. From Salisbury to Major: Continuity and Change in Conservative Politics. Manchester: Manchester University Press, 1996. 288 p.
- Hayton R. British conservatism after the vote for Brexit: The ideological legacy of David Cameron // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2018. Vol. 20, №1. P. 223-238
- Heppell T. The Tories from Winston Churchill to David Cameron. London: Bloomsbury, 2014. 216 p.
- Pautz H. (2013), The Think Tanks behind 'Cameronism', *The British Journal of Politics and International Relations*, Vol. 15(3), pp. 362-377.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.04.2019

CONTEMPORARY BRITISH CONSERVATISM: ON THE ROAD TO ADAPTATION?

S. A. Shein

National Research University "Higher School of Economics", Malaya Ordynka str., 17, 119017, Moscow, Russia
sshein@hse.ru

The article analyzes the political and ideological development of modern British conservatism in the context of the ongoing political and institutional transformation of the United Kingdom. The author considers the concept of adaptation to be a key one for understanding the development of modern conservatism. An important role in this process is played by the relationship between the two main conservative traditions (in the British variation – the conservatism of "one nation" and Thatcherism), which creates opportunities and limitations for conservative adaptation. The post-Thatcherite crisis of British conservatism was characterized by the difficulty of intra-party renewal processes and ideological inertia caused by the success of Thatcherism and its ideological dominance in the conservative camp. After the failures of post-Thatcherite leaders, David Cameron proposed an adaptation strategy based on tactical maneuvering and appealing to two conservative traditions to integrate middle-class voters and right-wing representatives of the party; however, Brexit acted as a limitation of the adaptation process. The article concludes that adaptation as the essence of liberal conservative policy succeeds under Theresa May's government. The new government of Boris Johnson, moving to the right-wing populist Brexit Party, gives rise to talk about a possible transition from adaptation to the evolution of conservatism during the long and multifaceted Brexit process.

Key words: Conservative Party, Thatcherism, "one nation" conservatism, adaptation of conservatism, United Kingdom, David Cameron, Theresa May.

References

- Adonis, A. & T. Hames (1994), *A Conservative Revolution? The Thatcher-Reagan Decade in Perspective*, Manchester University Press, Manchester, UK, 263 p.
- Ananyeva, E. (2013), *Ot «novogo leyborizma» k «progressivnomu konservatizmu»*. *Doklady Instituta Evropy* [From New Labour to Progressive Conservatism. Reports of the Institute of Europe], № 293, «Russkiy souvenir», Moscow, Russia, 142 p.
- Bale, T. (2010), *Conservative party from Thatcher to Cameron*, Polity Press, London, Russia, 472 p.
- Buckler, S. & D. Dolowitz (2012), "Ideology Matters: Party Competition, Ideological Positioning and the Case of the Conservative Party under David Cameron", *The British Journal of Politics & International Relations*, Vol.14, I. 4, p. 576-594.

- Dommet, K. (2015), “Conservative Party Modernisation: A ‘slick re-branding exercise’? Theory vs Practice”, *PSA Blog*, available at: <https://www.psa.ac.uk/insight-plus/blog/conservative-party-modernisation-1-%E2%80%98slick-re-branding-exercise%E2%80%99-theory-vs-practice> (date of access: 10.04.2019).
- Evans, B. & A. Taylor (1996), *From Salisbury to Major: Continuity and Change in Conservative Politics*, Manchester University Press, Manchester, UK, 288 p.
- Evans, S. (2009), “The Not So Odd Couple: Margaret Thatcher and One Nation Conservatism”, *Contemporary British History*, Vol. 23 (1), pp. 101–121.
- Gadzhiev, K. (1991), “Contemporary conservatism: typology experience”, *Novaya i noveyshaya istoriya*, Vol. 1, pp. 55–75.
- Gadzhiev, K. (2013), “Conservatism in contemporary world: crisis or rebirth?”, *Vlast*, Vol. 1, pp. 63–67.
- Hayton, R. (2018), “British conservatism after the vote for Brexit: The ideological legacy of David Cameron”, *The British Journal of Politics and International Relations*, Vol. 20 (1), pp. 223–238.
- Heppell, T. (2014), *The Tories from Winston Churchill to David Cameron*, Bloomsbury, London, UK, 216 p.
- Makarenko, B. (ed) (2015), *Konservativizm i razvitiye: osnovniy obschestvennogo soglasiya* [Conservatism and development: basics of public consent], Albina Publisher, Moscow, Russia, 330 p.
- Pautz, H. (2013), “The Think Tanks behind ‘Cameronism’”, *The British Journal of Politics and International Relations*, Vol. 15(3), pp. 362–377.
- Peregudov, S. (2015), “The XXI century liberalism – crisis of rejuvenation?”, *Polis. Politicheskie issledovaniya*, Vol. 4, p. 64–74.
- Podvintsev, O. (2001), *Postimperskaya adaptatsiya konservativizma* [Post-imperial adaptation of conservatism]: PhD Thesis, IE RAN, Moscow, Russia.
- Rabotyzhev, N. (2012), “European Social Democracy in Search of Adaptation to the Changing World”, *Politiya*, Vol. 3 (66), pp. 146–167.
- Rahshmir, P. (2011), “British Tory rebirth or extinction?”, *Novaya i noveyshaya istoriya*, Vol. 1, pp. 132–138.
- Rahshmir, P. (2012), “Yours among strangers, a stranger among yours: F.A. Hayek and conservatism”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Politologiya*, Vol. 3, p. 54–67.
- Shein, S. (2017), *Politicheskaya strategiya sovremennykh britanskikh konservatorov v protsesse politiko-institutsionalnoy transformatsii Soedinennogo Korolevstva* [Political strategy of contemporary British conservatives in the process of political and institutional transformation of United Kingdom], IE RAN, Moscow, Russia, 234 p.
- Smirnov, A. (2014), “Axiology of European conservatism: between tradition and progress”, *Politiya*, Vol. 4 (75), p. 129–144.
- Studentsov, V. (1985), “Two trends in the social philosophy of British conservatism”, *Voprosy filosofii*, Vol. 2, p. 103–104.